

Переводчик контекста с русского на английский. [Электронный ресурс]. URL: <http://context.reverso.net>.

Утаивание правды. Из книги Скотта Пека «Непроторенная тропа». [Электронный ресурс]. URL: <http://psynet.narod.ru/articles/nottrue.htm>.

КОМПОЗИЦИОННО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ГАРМОНИЗАЦИИ ТЕКСТОВ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ДИАЛОГА

Т.В. Чернышова

Ключевые слова: публицистический дискурс, гармонизирующие и дисгармонизирующие тексты, композиционно-стилистические средства гармонизирующего общения.

Keywords: publicistic discourse, harmonizing and disharmonizing texts, compositional and stylistic means of harmonizing communication.

DOI 10.14258/filichel(2018)2-08

Характеризуя категорию дискурса, исследователи все настойчивее говорят о его коммуникативной сущности – любая форма коммуникации (устная, письменная, социально-сетевая и пр.) «является основой реализации каких бы то ни было совместных инструментальных действий, невозможных при ее отсутствии...» [Чернейко, 2014, с. 52]. Коммуникативный аспект дискурса раскрывается через ряд категорий, актуальных и при исследовании публицистического дискурса: 1) статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики участников общения, 2) условия общения (пресуппозиции, коммуникативная среда), 3) мотивы, цели и стратегии, развертывание и членение, контроль общения и вариативность коммуникативных средств, 4) канал и режим, тональность, стиль и жанр общения.

Описывая ведущие черты публицистического дискурса, исследователи прежде всего акцентируют внимание на позиции автора, в основе которой лежит социально-оценочное отношение к «фактам, явлениям, событиям» [Солганик, 2002], и на таких

свойствах дискурса как динамическое начало, интерактивность, открытость для интерпретаторов, субъектов восприятия, его диалогичность [Павлушкина, 2003].

Диалогичность публицистического дискурса тесно связана с понятием **гармонизирующего общения**: согласно «закону гармонизирующего диалога» эффективное (гармонизирующее) речевое общение возможно только при диалогическом общении участников речевой коммуникации [Михальская, 2002, с. 95–105].

Такие отношения между автором и адресатом массово-информационного дискурса, при котором адресат является *со-участником общения и активным интерпретатором речевых действий адресанта* (М.Л. Макаров), формировались на наших глазах в постперестроечный период развития России. Важными условиями успешной (гармоничной) коммуникации в рамках публицистического дискурса (в начале периода – по преимуществу дискурса письменного, газетно-публицистического) явился ряд факторов, к которым можно отнести *согласованность параметров коммуникантов*, включающих адресную обусловленность (например, совпадение или близость ментальных, концептуальных, когнитивных систем автора и адресата); приоритетность точки зрения адресата при интерпретации события (например, его идеологических установок и политических пристрастий, идеалов, ценностей и т.д.); ориентация автора на определенную модель мира, являющуюся основой концептосферы «своего» читателя и т.д. [Чернышова, 2007; 2016].

В истории отечественной публицистики есть немало примеров, свидетельствующих об умении авторов публицистических текстов создавать актуальные и злободневные тексты и через них устанавливать диалог со своим читателем. Однако не всякий диалог приводит к гармонизации общения между участниками публицистического дискурса, а только такой, «когда вступившие в него уже не могут остановиться на разногласии, с которого разговор начался <...> сама суть того, что считается нами правильным и по праву таковым является, требует общности, вырабатываемой в процессе понимания людьми друг друга. Межчеловеческая общность поистине строится в диалоге» [Гадамер, 1991, URL]. В современной публицистике, политически окрашенной, сменившей «рекомендательный, сопровождаемый аргументацией» [Дускаева, 2005, с. 87] вектор на вектор побудительный, выраженный в жесткой негативно-оценочной форме, диалог часто подменяется несколькими протекающими рядом друг с другом монологами, не способными возделывать «общее поле говоримого» [Гадамер, 1991, URL]. Очевидно,

такое протекание общения в рамках публицистического дискурса следует признать дисгармоничным.

Под **дисгармоничным** публицистическим дискурсом (дисгармонизирующим, нередко приводящими к речевому конфликту) будем понимать «неправильную, неоднозначную, неполную передачу информации и неадекватную, нежелательную или непредсказуемую эмоциональную реакцию на нее» [Павлова, 2010, с. 1–2]. В современной публицистической практике представлены как дисгармонизирующий (конфликтный), так и гармонизирующий типы речевого взаимодействия.

Объектом нашего рассмотрения в данной статье являются содержательно-формальные средства гармонизирующего взаимодействия автора и адресата публицистического текста. Под термином «содержательно-формальные средства» будем понимать средства композиционного и языкового уровней, создающие в тексте «стилистическую выразительность» и способствующие созданию эмоциональных ситуаций [Одинцов, 1980, с. 111; Майданова, 1987, с. 72], воздействующих на адресата и побуждающих его к диалогу.

Предметом анализа в данной статье является композиционное развертывание гармонизирующего текста как средства создания выразительности¹. Дисгармонизирующий (конфликтногенный) тип публицистического дискурса представлен нами в нескольких статьях, посвященных реализации в конфликтных текстах побудительного речевого жанра дискредитации, направленного на снижение статуса субъекта речи через стратегии негативного позиционирования его личностных и деловых качеств или того, что за них выдается в публикации (см.: [Чернышова, 2013; 2014а; 2014б]). Для текстов дисгармонизирующего публицистического дискурса характерны следующие признаки:

- наличие стратегии «деструктивной оценочности», которая разрушительна и неконструктивна по своей сути;
- авторская позиция при выборе не предполагает диалога, чаще всего позиция автора – это монолог, нередко обладающий признаками агрессии (стратегии на понижение образа субъекта речи);
- авторские суждения выражены в форме однозначных утверждений («да» или «нет»);

¹ На важность анализа композиционно-стилистического развертывания журналистского текста при описании диалогичности указывает, в частности Л.Р. Дускаева: [Дускаева, 2012; 2014].

- оценки субъекта речи часто выражены с помощью ненормативной лексики и фразеологии;
- композиционно подобные тексты представляют собой существенную трансформацию факта, послужившего поводом для авторского оценочного комментария. Трансформация «нулевого уровня» композиции осуществляется через такие интенсивные трансформационные факторы, как иллюстрация (факты из прежней общественной деятельности субъекта речи, его высказывания, отнесенные к прошлой его политической деятельности, его возрастные и психические особенности и т.п.); адаптация (экстенсивная и интенсивная) – в тексте представлено «пунктирное» развертывание композиции, концентрирующее внимание читателя только на отрицательных характеристиках субъекта речи и негативных фактах его прежней общественной деятельности;
- подобные тексты характеризуются коротким жизненным циклом и конфликтным функционированием: следующий после таких публикаций конфликт позволяет отнести подобные тексты к **дисгармоничному типу** публицистического дискурса.

В данном сообщении на материале текстов известных в России публицистов XX–XXI веков мы рассмотрим, как пишущие в СМИ через использование различных приемов трансформации «нулевого уровня» композиции текста добиваются гармонизации общения между участниками публицистического дискурса – точнее, между автором и «своим» читателем, предоставляя ему возможность включиться в авторские рассуждения, то есть в **диалог** с автором. По замечанию Е.К. Павловой, «гармонизация <...> дискурса на всех уровнях: глобальном, региональном и национальном, в отличие от унификации <...> оставляет человеку возможность выбора языка, культуры и образа жизни в соответствии с его желанием, местом обитания, вероисповеданием, его приверженности традициям и т.п. Гармонизация не означает выбора одной концептосферы в ущерб всем другим. Она означает поиск компромиссов, поиск областей совпадения в концептосферах и расширение этих областей» [Павлова, 2010, с. 7–8].

Первоначально отметим свойства, которые, на наш взгляд, позволяют выделить особую группу текстов «гармонизирующего» типа.

Авторская позиция, представленная в таком тексте:

- конструктивна по своей природе – может служить основой решения социальной проблемы, плодотворна;

- направлена на рассмотрение и решение актуальных для всех членов социума проблем;
- ориентирована на установление **диалога с читателем** и удовлетворение интересов и ожиданий читателей;
- в предложенном автором обсуждении в выводах отсутствует однозначность;
- автор старается избегать оценок, выраженных при помощи ненормативной лексики и фразеологии;
- подобные гармонизирующие тексты обладают разнообразной композиционной структурой, выбор которой обусловлен авторским замыслом, глубиной обсуждаемой проблемы, ориентацией публициста на совместное решение важных для социума вопросов, то есть на диалог с читателем;
- для текстов гармонизирующего типа характерен долгий жизненный цикл: к ним можно обращаться неоднократно в силу их вневременной актуальности.

Примером такой авторской позиции может служить публицистика В.М. Шукшина – известного российского писателя, киносценариста, актера.

1. Диалогичность произведений В.М. Шукшина отмечается исследователями на микро- и макроуровне [Творчество В.М. Шукшина, 2006, с. 142]. Первая реализуется через повышенную интертекстуальность его текстов (ср.: «Начиная с первых публикаций, произведения Ш. как будто легко и просто вписываются в “текст любой культуры”, <...> но оставляют при этом весьма заметный зазор, определяющий качество и меру собственного “текста”, “манеры” и “вечности Ш.”» [Творчество В.М. Шукшина, 2006, с. 142]). В микродиалоге Шукшина, как отмечают исследователи со ссылкой на М.М. Бахтина, «происходит “особым и неповторимым образом” сочетание “я” и “другого”: “я – в форме *другого*, *другой* – в форме *я*”»..., в этом случае «диалог уходит внутрь, в каждое слово <...>, делая его двуголосым, в каждый жест, в каждое мимическое движение лица» [Творчество В.М. Шукшина, 2006, с. 142]. Иными словами, читатель даже не замечает, как вовлекается в разговор, как послы автора заставляют его размышлять на предложенную им тему.

Примером такого вовлечения в **конструктивный (гармонизирующий) диалог** с читателем может служить незавершенный очерк В.М. Шукшина под названием «Только это не

будет экономическая статья...»¹. По замечанию Е.В. Черносвитова, «в этой «неэкономической» статье за фасадом повествования находится напряженное раздумье о нашем житье-бытье, и о существенном, и о сущем. И здесь горести и печали человеческие, живые, трепетные нити...» [Черносвитов, URL].

Нулевой уровень композиции данного текста может быть представлен следующим образом: автор получил от редакции задание написать «рассказ, очерк, повесть... – что получится», в которой дать ответ на вопрос: «Почему молодежь уходит из села?».

Причина, заставившая автора уйти от линейного повествования, указана им самим и уже содержит установку на контакт с потенциальным читателем: «Как написать *поумней, поинтересней, чтоб прочитали*. А то ведь не читают! Сам не читаю всякие проблемные статьи: скучно» (курсив наш. – Т.Ч.).

Кстати отметим, что зарубежные исследователи, занимаясь в 80-е годы разработкой интегральных понимающих систем, пришли к выводу, что процесс и результат восприятия текста во многом обусловлены читательскими **ожиданиями** и **интересом**. Особенно это касается чтения газет: «...имея дело с такими средствами информации, как газеты, люди не осуществляют детальной обработки, но все же в состоянии извлечь огромное большинство сведений, интересующих их» [Шенк, Лебовиц, Бирнбаум, 1983, с. 411–412]. При этом ученые не только перечисляют языковые единицы, которым читающий уделяет особое внимание для их основательной обработки², но и описывают причины такой основательной полной обработки слова в тексте, среди которых «указания на *ценность* анализируемого фрагмента текста *с точки зрения интереса*, которые хранятся в памяти как часть знаний, ассоциированных с понятием, и могут активизироваться в процессе чтения; и, наконец, *ожидания, связанные с высшим уровнем* (сценарий, план) при чтении текста о событии, когда наши предсказания, вытекающие из этого сценария или плана, «могут

¹ Здесь и далее цитаты на текст очерка даны по изданию: Шукшин В.М. Только это не будет экономическая статья // Вопросы самому себе. М., 1981.

² Так, чрезвычайно важной силой в работе анализатора могут оказаться появление в тексте *слова* определенного типа, тех или иных *синтаксических или концептуальных типов*, заставляющих игнорировать все остальные вплоть до удовлетворения этих ожиданий; появление в *тексте определенных функциональных слов*, назначение которых – переключение внимания на те знаменательные слова, ценность которых, с точки зрения читателя, наиболее вероятна [Шенк, Лебовиц, Бирнбаум, 1983, с. 413–414].

направлять фокус интереса в процессе обработки предложения» [Шенк, Лебовиц, Бирнбаум, с. 413–414].

Характеризуя очерк, Е.В. Черносвитов отмечает: «Небольшая и незаконченная работа, а какая глубина и масштабность мысли! Вавилонская библиотека! Вариации на тему «отрыва от земли». И сколько сказано... Объяснить, понять, осмыслить. Возможны различные интерпретации, если вдуматься. В этой небольшой работе все заветные надежды... и заветные страхи искреннего человека» [Черносвитов, URL].

Именно поэтому, несмотря на незаконченность, в тексте четко прослеживается композиционный авторский замысел. «Незаконченность» во многом определяется тем, что на поставленный автором вопрос либо пока нет ответа, либо их несколько. Не случайно и следующее замечание Е.В. Черносвитова: «Смеем утверждать, что Шукшин никогда и ни о чем не высказывался однозначно. Или «да», или «нет» – это не его метод. Живое противоречие и в суждениях, и в поступках» [Черносвитов, URL]. В результате читатель не испытывает давления со стороны автора, имеет возможность подумать, осмыслить авторские рассуждения и предложить свой вариант ответа. Такой тип общения автора и адресата также может быть отмечен как **гармонизирующий**.

Основным трансформационным фактором, определяющим диалогическую природу композиции текста очерка, является **интенсивная аддиция** – концентрическое развертывание (спираль), которая достигается путем «прибавления» новых мыслей, положений, фактов [Одинцов, 1980, с. 149–150]. Аддиция сопровождается **интенсивной адаптацией (амплификацией)**, по терминологии В.В. Одинцова) – то есть варьированием содержания, обыгрыванием, сменой освещения факта и т.п. [Одинцов, 1980, с. 149]. Например, рассуждение на тему «почему молодежь уходит из села» начинается сразу же после получения задания (когда автор идет из редакции) с сопоставления: «*А почему я сам ушел*». По мысли автора, такое развертывание темы «*по крайней мере, будет честно*». Однако такой путь не устраивает В.М. Шукшина, поскольку, будучи тонким психологом и искренним человеком, он отмечает, что себя судить сложно, ибо всегда находится оправдание.

Мысль, вокруг которой «закручивается» композиционная спираль, повторяется в тексте несколько раз (см. схему 1).

Схема 1. Композиционное развертывание текста очерка В.М. Шукшина «Только это не будет экономическая статья...»

Своеобразие концентрического развертывания в анализируемом тексте состоит не столько в «повторении основных положений, строгой логичности и экспрессивности выражений» [Одинцов, 1980, с. 149–150], сколько в особой шукшинской искренности и доверительности автора в общении с читателем, обусловленной активностью его мыслительной деятельности, направленной на поиск совместного ответа на поставленный вопрос. Как отмечал Л.С. Выготский, «сильная мысль о каком-либо предстоящем действии или поступке совершенно мимовольно обнаруживается в позе и в жесте, как бы в подготовительных и предварительных усилиях, которые мы собираемся сделать» [Выготский, 1996, с. 151]. Представляется, что эта «мимовольность» и моделируется в анализируемом тексте с целью вовлечения читателя в процесс обсуждения важной социальной темы.

Динамизм композиционно-стилистического развертывания, реализуемый через диалог с читателем, – основная черта публицистики В.М. Шукшина [Творчество В.М. Шукшина, 2004, т. 1, с. 177; 193–197]. Постоянное движение авторской мысли, вовлекающее читателя в обсуждение, воплощено в тексте через категорию места действия. Обращает на себя внимание, что, рассуждая, автор постоянно движется: он либо на пути из редакции, либо в летящем самолете (причем необходимость сидеть в нем компенсируется «полетом» мысли через воспоминания о бухгалтерии, о предыдущем полете из

Новосибирска в Москву и т.д. – прием иллюстрации, способствующий переключению читательского внимания и повышению интереса к читаемому через ретардацию – замедление повествования), либо в магазине, либо в автобусе, на улице родного села и под.

Вновь к волнующему публициста вопросу В.М. Шукшин возвращается в самолете: «возвращение» осуществляется ненавязчиво и естественно, когда все волнения, связанные с посадкой в самолет, позади, невольно возвращаешься мыслями к предшествующим событиям – приятным и неприятным. Затем автор описывает ощущения, связанные с полетом (три лирических отступления), и наконец – снова ненавязчивое, естественное возвращение к статье («*как же все-таки писать статью?*») и волнующей автора теме. Переход композиционной «спирали» к новому витку сопровождается качественным изменением мотивации: дело уже не в том, что он получил задание написать статью, а в том, что ему *«действительно охота понять: почему мы с такой легкостью оставляем родные деревни и села и пополняем городское население, да еще и не всегда лучшим способом?»*

Прием ретроспекции позволяет автору оправдать причины ухода в прошлом: *«Тогда голодуха была, на трудодни ничего не давали, кто полегче на ногу, уходили невольно»* (то есть без намерения, бессознательно, мимовольно, и т.д. [Современный толковый словарь русского языка, URL]).

В процессе рассуждения В.М. Шукшин как бы дает себе установку, как писать: *«Ладно, жизнь подскажет, как писать. Буду, как захочется, как сам пойму... Что увижу, то и буду писать. Я еще не пробовал так»*. Сделанный автором выбор позволяет далее менять освещение обсуждаемой проблемы, добиваясь ее всестороннего осознания разными лицами: *почему молодежь уходит из села —> почему я ушел —> почему мы уходим?*

Вид из иллюминатора самолета, под которым проплывают горы, порождает новый композиционный виток и дает новые возможности для обсуждения: почему с насиженных мест уходили наши предки: *«Шли годами, останавливались зимовать, выходили замуж по дороге, рожали. До чего упорный был народ! Ну вот ведь она, земля, останавливайся, руби избу, наши. Нет, шли дальше и дальше, пока в океан не уперлись, тогда остановились... Впрочем, наверное, это становилось образом жизни – в пути. У меня отец – Макар; я где-то прочитал, что Макар – это путевой»*. Этой мыслью автор завершает рассуждение по поводу волнующей его проблемы: молодежь уходит из

села, потому что в ней это заложено генетически: так поступали предки, так поступил я, мои знакомые и родственники.

Найденный ответ, тем не менее, не является окончательным. Это итог авторских раздумий. Появление новых персонажей (матери, директора школы, двоюродного брата, друга детства) позволяет автору дополнить обсуждаемую проблему новыми частными мнениями и фактами через прием конкретизации, который увеличивает эмоциональный потенциал авторской речи в целом, привлекая внимание читателей и заставляя их сравнивать свою судьбу и судьбу предков с судьбой персонажей, описанных автором очерка.

Таким образом, внутренний диалог автора с самим собой переходит во внешний, втягивая все большее количество персонажей (предполагая, что и читателя) в обсуждение острой социальной проблемы, которая не решена до сих пор.

2. Еще один пример гармонизирующего диалога автора и читателя представлен журналистским творчеством Бориса Бронштейна, лауреата премии «Золотое перо России», обозревателя «Новой газеты», много лет работавшего собственным корреспондентом газеты «Известия».

Его тексты безусловно диалогичны, ориентированы на умного, эрудированного читателя, способного увидеть многое в малом. Именно про его читателя можно сказать: «Sapienti sat».

Его тексты интересны и в плане композиционного оформления.

Рассмотрим одну из его зарисовок под заголовком «Прыжок в сугроб из реанимации».

Прыжок в сугроб из реанимации

Борис Бронштейн,
«Известия»

Как представлю себе несусветную выходку Владимира Т., так стынет паста в авторучке и путаются в голове ассоциации в диапазоне от Бисмарка до насморка! Причем тут Бисмарк? Ах, да! Бисмарк (его в отличие от Владимира мы можем назвать полным именем Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузен) в свое время сказал, что нельзя победить народ,

Как рассказал корреспонденту «Известий» главврач Леонид Васильев, 25-летний Владимир Т. был доставлен туда с ножевым ранением в сердце, которое он схлопотал в какой-то пьяной компании. Хирурги сделали ему непростую операцию и поместили в реанимационное отделение. Там у пациента на пятый день начался алкогольный психоз. Но Владимир не из тех, кто в ответ на замечания, выражаясь языком военных и хирургов,

который зимой ест мороженое. Это он, понятно, о россиянах. Ну а мысль о насморке вполне естественна. Должны же быть какие-то последствия для здоровья человека, выпрыгнувшего среди зимы в совершенно голом виде с третьего этажа больницы, где ему четыре дня назад сделали операцию на сердце.

Нетрудно понять изумление В.П., жителя поселка Советский, когда он, услышав звонок, открыл дверь своей квартиры: на пороге стоял голый человек с багровым шрамом на груди и с иглами и трубочками от капельниц на теле. Встретив гостя по одежке, В.П. с трудом узнал в нем давнего знакомого Володьку, которого он, как мог, отогрел и проводил по уму, когда за тем явились медики из районной больницы. Как им удалось разыскать сбежавшего пациента? Ну, конечно же, по следам босых ног на снегу!

Что же произошло в районной больнице?

Нулевой уровень композиции текста может быть сформулирован следующим образом: «Пациент районной больницы, прооперированный по поводу ножевого ранения, полученного в пьяной драке, очнувшись, разбил чайником окно и сбежал из больницы, выпрыгнув из окна третьего этажа».

Основными трансформационным фактором, использованным автором для создания выразительности на уровне композиции, является **повтор содержательного элемента через прием трансмутации (изменение естественного порядка следования события: забегание вперед, возвращение назад)** (см. схему 2).

держит руки по швам. Он ударил медсестру, разбил чайником окно и вскочил на подоконник. Погода была морозная, но летняя...

На предположение корреспондента, что такое случается раз в сто лет, главврач уточнил: «Нет, в восемнадцать!». Оказывается, восемнадцать лет назад из этого же отделения уже выпрыгивал без малейшего для себя вреда такой же прооперированный. «Придется решетки на окна поставить», – вздыхает Леонид Аркадьевич, у которого и без того забот хватает.

Ну а как себя чувствует наш герой? Говорят, обошелся даже без насморка, только руку слегка повредил. Недавно он выписался и долечивается амбулаторно. Не желая помогать следствию в поисках участников поножовщины, он гуляет себе по райцентру и, вполне возможно, ест в феврале мороженое.

РЕСПУБЛИКА МАРИЙ ЭЛ

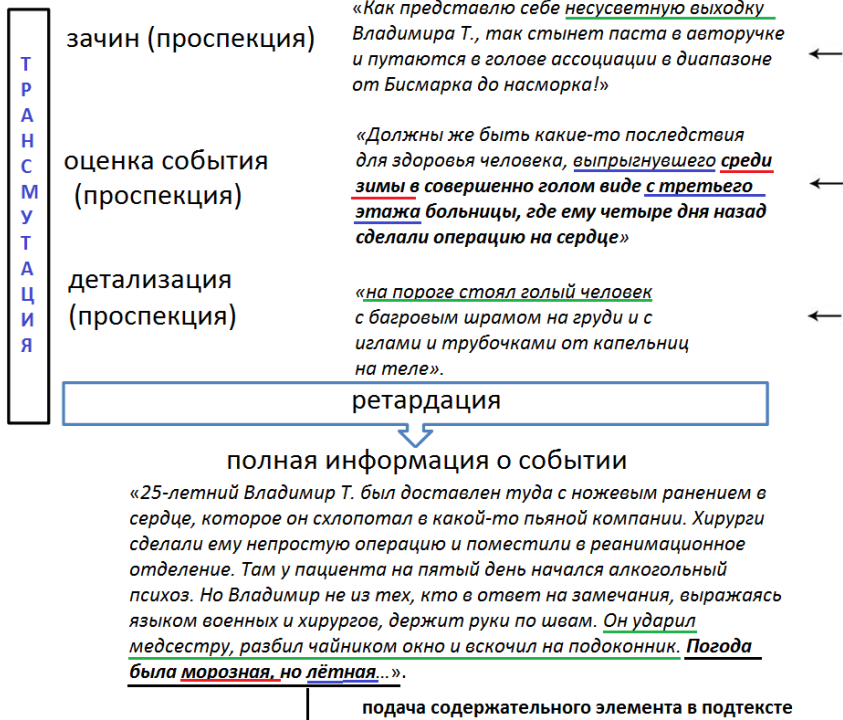

Схема 2. Композиционное развертывание текста Б. Бронштейна «Прыжок в сугроб из реанимации»

Функцию содержательного компонента выполняет само событие, представленное на нулевом уровне композиции – повествование о побеге дано в тексте четырьмя фрагментами:

1) в самом начале текста автор использует прием проспекции и лишь сообщает о неординарности поступка Владимира Т.: «Как представляю себе несусветную выходку Владимира Т., так стынет паста в авторучке и путаются в голове ассоциации в диапазоне от Бисмарка до насморка!» – следующие далее описания связаны с основным событием опосредованно, но выполняют важную функцию: задерживают описание самой «несусветной выходки» и тем самым подогревают читательский интерес.

2) В конце первого абзаца вновь сообщается о неординарности произошедшего: «Должны же быть какие-то последствия для здоровья человека, выпрыгнувшего **среди зимы в совершенно голом виде с**

третьего этажа больницы, где ему четыре дня назад сделали операцию на сердце» (проспекция).

3) Затем с этой же целью событие детализируется: *«на пороге стоял голый человек с багровым шрамом на груди и с иглами и трубочками от капельниц на теле».*

4) Следующий фрагмент, введенный фразой «Что же произошло в районной больнице?», содержит полную информацию о событии в версии главврача больницы: *«25-летний Владимир Т. был доставлен туда с ножевым ранением в сердце, которое он схлопотал в какой-то пьяной компании. Хирурги сделали ему непростую операцию и поместили в реанимационное отделение. Там у пациента на пятый день начался алкогольный психоз. Но Владимир не из тех, кто в ответ на замечания, выражаясь языком военных и хирургов, держит руки по швам. Он ударил медсестру, разбил чайником окно и вскочил на подоконник. Погода была морозная, но лётная...».*

Последняя фраза представляет собой реализацию композиционного приема, ориентированного на фактор адресата, – **«подача содержательного элемента в подтексте»**, отсылающего читателя к началу текста, в котором сообщается, что событие произошло «среди зимы». Ироничность авторского повествования поддерживается как на композиционном, так и на языковом уровне.

Подведем некоторые итоги.

Выступая на пленарном заседании Форума «Медиа в современном мире. 57-е Петербургские чтения» (19–20 апреля 2018 г.) директор Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ профессор А.С. Пую затронул вопросы подготовки специалистов сферы массмедиа в условиях стремительных изменений рынка печатных и цифровых СМИ. По мнению докладчика, «ввиду цифровизации контента, печатная пресса оказывается на проигрышных позициях... Однако <...> кризис “бумаги” <...> не является симптомом кризиса журналистики в целом: он сигнализирует о необходимости установления долгосрочных доверительных отношений между журналистом и читателем на новых платформах»¹. А.С. Пую подчеркнул, что современная аудитория СМИ устала от недоверия, дезориентации и информационного шума. Он также отметил, что «вне зависимости от платформы», с которой вещает журналист, он должен понимать аудиторию, уважать ее и доверять ей; удивляя и развлекая,

¹ Медиа в современном мире. 57-е Петербургские чтения // Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций [Электронный ресурс]. URL: <http://jf.spbu.ru/index/146-12785.html>

вовлекать читателей в обсуждение важных социальных вопросов современности.

Причина читательской усталости, на наш взгляд, в преобладании в современном массово-информационном дискурсе дисгармонизирующих (конфликтных) текстов над текстами гармонизирующими, нацеленными на диалог с читателем, позволяющими найти компромиссы, области совпадения в концептосферах публициста и читательской аудитории. Полагаем, что возвращение лидирующих позиций отечественной публицистики возможно лишь через конструктивный гармонизирующий диалог, способный возделывать «общее поле говоримого», – диалог, опирающийся не только на авторскую активность, но и на читательскую «ответность» как важное качество публицистической речи [Дускаева, 2012, с. 17], требующее общности, вырабатываемой в процессе понимания людьми друг друга и создаваемой в том числе с помощью композиционно-стилистических средств воздействия на аудиторию с целью вовлечения ее в конструктивное обсуждение наиболее важных проблем современности.

Литература

- Выготский Л.С. Психология: классические труды. М., 1996.
- Гадамер Г.-Г. Язык и понимание // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000035/index.shtml>
- Дускаева Л.П. Функционально-стилистический статус политической коммуникации // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2005. Вып. 9.
- Дускаева Л.П. Диалогическая природа журналистских речевых жанров. СПб., 2012.
- Дускаева Л.П. Журналистский дискурс в аспекте речевых жанров // Жанры речи. 2014. № 1–2(9–10).
- Майданова Л.М. Очерки практической стилистики. Свердловск, 1987.
- Михальская А.К. Основы риторики». М., 2001.
- Одинцов В.В. Стилистика текста. М., 1980.
- Павлова Е.К. Политический дискурс в глобальном коммуникативном пространстве (на материале английских и русских текстов): автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М., 2010.
- Павлушкина Н.А. Публицистический дискурс как фактор коррелирования редакции и аудитории // СМИ в современном мире: Петербургские чтения. СПб., 2013.
- Современный толковый словарь русского языка Ефремовой. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/193745/%D0%9D%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE>
- Солганик Г.Я. О закономерностях развития языка газеты в XX в. // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2002. № 2.
- Творчество В.М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. Барнаул, Т. 1 (2004), Т. 2 (2006).
- Чернейко Л.О. Дискурс: языковая реальность или лингвистическая мифология? // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты. М., 2013.

Черновитов Е.В. Пройти по краю. Василий Шукшин: мысли о жизни, смерти и бессмертии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rumvi.com/products/ebook/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B9%D1%82%D0%B8-%D0%BF%D0%BE-%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%8E/d21ca127-7877-4863-b9f5-7db3c2d3b2d8/preview/preview.html>.

Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М., 2007, 2016.

Чернышова Т.В. Типологические признаки медиатекстов с псевдосоциальной оценочностью // Филология и человек. 2013. № 3.

Чернышова Т.В. Дискредитирующие речевые жанры в медиадискурсе: разнообразие наполнения жанровых форм // Медиалингвистика. СПб., 2014б. Вып. 3.

Чернышова Т.В. Типологические признаки речевого жанра дискредитации в медиадискурсе // Филология и человек. 2014а. № 1.

Шенк Р., Лебовиц М., Бирнбаум Л. Интегральная понимающая система // Новое в зарубежной лингвистике: Прикладная лингвистика. М., 1983. Вып. XII.

АНГЛИЙСКИЕ ГЛАГОЛЬНО-ПРЕДЛОЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РАКУРСЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

А.В. Кочкинекова

Ключевые слова: антропоцентризм, глагольно-предложная конструкция, предлог, глагол, аппроксимативность, лексико-семантическое единство, языковая эмпатия.

Keywords: anthropocentrism, verbal and prepositional construction, preposition, verb, approximateness, lexical and semantic unity, language empathy.

DOI 10.14258/filichel(2018)2-09

Представленное исследование глагольно-предложных конструкций современного английского языка проведено в рамках антропоцентрической парадигмы. Антропоцентрическая траектория развития современной лингвистики в целом и, в частности, англистики предопределяет исследование языковых явлений в тесной связи с человеком.

С позиций антропоцентрической парадигмы человек признается мерой всех вещей, он познает мир через осознание себя, своей материальной и идеальной деятельности в нем, а язык выступает как главная конституирующая характеристика человека мыслящего и говорящего, человека, являющегося «мерилом» населяемой им